

DOI 10.31250/2618-86 00-2022-2(16)-47-73

УДК 39

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Русская северность по былинам новгородского цикла*

АННОТАЦИЯ. Русская культура часто представляется на Севере не коренной, а привнесенной с юга. В статье на материалах эпоса обосновывается обратное: именно Север стал колыбелью русской культуры, и не случайно былинные традиции лучше и дольше всего сохранились на Русском Севере. Фольклористы делят русский эпос на новгородский и киевский циклы. Киевскую традицию представляют богатыри, служащие князю и сражающиеся с врагами «за веру христианскую», тогда как новгородские герои князьям не служат, зовутся не богатырями, а молодцами, купцами, гусярами, и название «богатырь» для новгородского эпоса нехарактерно. Север представляют Садко и Василий Буслаев, характеры и поступки которых сводимы к схеме «эпического новгородца», отличной от схемы «киевского богатыря». В былинах о них много общего: обе состоят из сцен состязания (в Новгороде) и путешествия (по морю или за морем). Черты новгородской северности явственно различимы на фоне киевской южности. Былинная традиция — достоинство России и прежде всего ее Севера; на Украине и в Беларуси такого эпоса нет. Русская северность изначально включает эпос и свойственные ему былинные ценности, в том числе «новгородскую мечту» с ее верой в себя и в чудо, культ персональной свободы, вольнодумие вплоть до богоборчества, готовность к риску и «великому закладу», удаль в сражениях, верность дружине (боевой и деловой дружбе) и дому (матери), образованность, музыкальность и песенность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: северность, Русский Север, былина, новгородский цикл, Садко, Василий Буслаев

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головнёв А. В. Русская северность по былинам новгородского цикла. *Этнография*. 2022. 2 (16): 47–73. doi 10.31250/2618-8600-2022-2(16)-47-73

---

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А. В. Головнёв), <https://rscf.ru/project/22-18-00283/>.

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Russian Northerness According to the Epics of the Novgorod Cycle

ABSTRACT. Russian culture is often presented in the north not as indigenous, but brought in from the south. The article substantiates the opposite on the materials of the epic: it was the North that became the cradle of Russian culture, and it is no coincidence that the epic traditions are best and longest preserved in the Russian North. Folklorists divide the Russian epic into Novgorod and Kyiv cycles. The Kievan tradition is represented by bogatyrs who serve the prince and fight against enemies “for the Christian faith”, while the Novgorod heroes do not serve princes, they are called not bogatyrs, but lionhearts, merchants, guslars, while the name “bogatyр” is not typical for the Novgorod epic. The north is represented by Sadko and Vasily Buslaev, whose characters and deeds are reduced to the scheme of an “epic Novgorodian”, different from the scheme of a “Kyiv hero”. There is much in common in the epics about them: both consist of scenes of competition (in Novgorod) and travel (on the sea or overseas). Features of the Novgorod north are clearly distinguishable against the background of the Kyiv south. The epic tradition is the heritage of Russia and, above all, of its North; there is no such epic in Belarus and Ukraine. The Russian north initially includes the epic and the epic values inherent in it, including the “Novgorod dream” with its belief in oneself and in a miracle, the cult of personal freedom, freethinking up to the theomachism, readiness for risk and the “great pledge”, prowess in battles, fidelity to the squad (combat and business friendship) and home (mother), education, adherence to music and songs.

KEY WORDS: northerness,
Russian North, epic song, Novgorod
cycle, Sadko, Vasily Buslaev

FOR CITATION: Golovnev A. Russian
Northerness According to the Epics of the Novgorod
Cycle. *Etnografia*. 2022. 2 (16): 47–73. (In Russ.).
doi 10.31250/2618-8600-2022-2(16)-47-73

Перед погружением в эпос кратко намечу траекторию северности, о которой уже немало написано (Головнёв 2004; 2008; 2021; 2022) и которая послужит «азимутом» для движения в былинном пространстве. Русская культура часто представляется на севере не коренной, а привнесённой с юга. Берусь утверждать обратное: именно Север — Ладога и Новгород с прилегающими землями — стал колыбелью русской культуры, и становление Руси и России исходило с Севера. Таким образом, словосочетания «северность Руси» и «русская северность» служат опорными понятиями для позиционирования «почвенной» русской традиции. Северность в русской истории и культуре образует баланс с южностью, в разные эпохи принимавший вид диалога Новгорода и Киева, Новгорода и Москвы, Петербурга и Москвы.

Персонажи северных и южных былин (или, как их прежде называли, старин, старинушек) различны настолько, что со времен П. В. Киреевского и Л. Н. Майкова фольклористы делят русский эпос на новгородский и киевский циклы. Киевскую традицию представляют богатыри, служащие князю Владимиру и сражающиеся с врагами «за веру христианскую», тогда как новгородские герои князьям не служат, зовутся не богатырями, а молодцами, купцами, гусярами, и «даже самое название богатырь не было известно новгородскому эпосу» (Миллер 1897: 31). Для Средневековья эта грань симптоматична, поскольку разделяет области, зависимые и независимые от Орды: в покоренной монголами южной Руси тюркское слово «богатырь» (*bayatur* — ‘военачальник’) вошло сначала в летопись (Ипатьевскую) как титул монгольских полководцев Субэдэя и Бурундая, а затем стало нарицательным, тогда как на оставшемся свободным русском севере этот тюркизм распространился позднее от южных соплеменников. Если на юге главным мотивом и событийным фоном эпоса была война с иноземцами и иноверцами, то на севере речь по большей части идет о персональных амбициях, молодечестве, искусстве и путешествиях.

Север представляют Садко и Василий Буслаев, причем «самые конфликты в этих былинах, как и герои их, типичны именно для Новгорода» (Путилов 1957: 5, 31). Позволяет ли фольклор реконструировать русского «героя Севера» и былинную русскую северность? Насколько эпические герои олицетворяют качества и ценности (этику, эстетику, драматургию), составляющие новгородскую «идею человека», а в нашей проекции — «северного человека»?

Обстоятельность новгородских эпических повествований обычно побуждает к поиску прообразов: например, прототипом Садко представляется упоминаемый Новгородской летописью под 1167 г. Сотко Сытинич, построивший в Детинце каменную церковь св. Бориса и Глеба, а Василия — посадник Васка Буслаевич, о смерти которого сообщает летопись под 1171 г. Впрочем, обе ссылки остаются предположениями, поскольку имя Садко (Сотко, Содко, Садок и др.) не однажды встречается

в летописях и древнерусских актах, а известие о кончине посадника Васки содержится в поздних летописных текстах XVI–XVII вв. и может быть вставкой былинного происхождения (Соловьев 1988: 93; Янин 1962: 104; Азбелев 1982: 217, 220–221).

Степень подлинности или вымышленности героев русского эпоса с давних пор была камнем преткновения для фольклористов и историков. Не увлекаясь этой темой, отмечу лишь, что допустимо согласование обоих подходов: с одной стороны, избранниками фольклора становились замечательные реальные персонажи, с другой — их былинные портреты существенно дорабатывались народной редакцией. Реальность и виртуальность в данном случае не конфликтуют, а создают резонанс знаковых черт «народных героев», ибо, словами В. Я. Проппа, «былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» (Пропп 1999: 26). Сказочность не противоречит подлинности, если речь идет об идеальных образах, и фольклор лишь гипертрофирует этически и эстетически значимые характеристики. Благодаря этому былины содержат в себе мотивы вдохновения, силу убеждения, каноны мировоззрения, образцы для подражания. Правда, для этого, как подметил А. Ф. Гильфердинг, надо верить «в истину чудес, какие в былине изображаются»; а «когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско, — эпическая поэзия в нем убита» (Гильфердинг 1873: XI–XII).

Размышления о прототипах и суждения о глубокой древности новгородских былин уместны в данном обзоре не сами по себе, а как указания на самобытность северной эпической традиции. Речь идет о самостоятельном очаге культуры, о заложенном в новгородской былинной традиции цикле эпоса и этоса.

Садко и Василий — персонажи разные, но дополняющие друг друга и вместе открывающие колоритный тип русского северянина новгородской эпохи. Их характеры и поступки сводимы к схеме «эпического новгородца», отличной от схемы «киевского богатыря». В былинах о Садко и Василии много общего — как в настрое, так и в композиции; обе состоят из ярких сцен состязания (в Новгороде) и путешествия (по морю или за морем); в обеих заметны сходные мотивы, вызовы, конфликты, не говоря уже о стилистике и риторике. Черты новгородской северности явственно различимы на фоне киевской южности.

ПЕСЕННОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ

В новгородском эпосе сразу впечатляет музыкальность главных героев: Садко — чарующий людей и стихии музыкант и певец, Василий — лучший в Новгороде певец-гуслиар, хотя в его былинном репертуаре

музыка не играет заметной роли. Садко и в бедности пел и играл, и сказочное богатство он себе «напел и наиграл»:

А прежде у Садка имущества не было,
Одни были гуселки яровчаты.
По пирам ходил-играл Садке (Рыбников 1861: 370).

Игрой на гусях Садко творит чудеса: «за игру нежную», «за утехи за великие» Морской царь вознаграждает его «рыбой — золоты перья», ставшей поводом для «велика заклада». В чудотворении Садко не уступает владыке моря, заставляя все поддонное царство плясать под свои гуселки яровчаты. Подобный «орфический» культ музыки свойствен именно Новгороду; Киеву неизвестен былинный мотив дивного музыканта типа Садко; сопоставим с ним лишь карело-финский Вяйнемейнен, завораживающий игрой на кантеле¹ хозяйку воды (Миллер 1897: 298; Новгородские былины 1978: 392). В фольклоре южных и западных славян нет образа гусяра-чудотворца, равного новгородскому Садко. Киевские богатыри (Добрыня Никитич, Соловей Будимирович, Ставр Гоудинович, Дунай Иванович, Алеша Попович, Чурила Пленкович) не лишены гусярских навыков, но они прославляют себя отнюдь не музыкой.

В. Я. Пропп высказал догадку, что музыка Новгорода была высоким искусством: «художественная культура древнего Новгорода представляет собой одну из мировых вершин в развитии средневекового искусства (архитектуры, живописи, литературы)», и «мы имеем все основания полагать, что на таком же высоком уровне находилось и музыкальное искусство Новгорода» (Пропп 1999: 92). Культ музыки в северном эпосе подогревался и тем, что былина — произведение музыкально-поэтическое — служила своего рода корпоративным гимном сказителей, способом их самовыражения.

Пение, по крайней мере церковное, а прежде, видимо, и былинное, входило в разряд «наук» — новгородские сказители вообще не упускают случая оттенить образованность своих героев, причем не мимоходом, а обстоятельно, со знанием дела. Будущий боец и смутьян Василий Буслаев получил блестящее по тем временам образование, в том числе вокальное:

Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его грамоте, —

¹ Русские *гусли* и финские *кантеле* (как и эстонские *каннели*, литовские *канклес* и латышские *куаклес*) сходны настолько, что позволяют предполагать единый источник их происхождения (Фаминцын 1890: 61).

А грамота ему в наук пошла;
 Присадила пером его писать, —
 Письмо Василью в наук пошло;
 Отдавала петью учить церковному, —
 Петье Василью в наук пошло.
 А и нет у нас такова певца,
 Во славном Новегороде,
 Сопротив Василья Буслаева (Кирша Данилов 1892: 61).

Для просвещенного Новгорода обычен сюжет, предполагающий поголовную грамотность горожан: зазывая их на свой пир, Василий распространяет «ярлыки», сочетая в их рассылке архаичный прием оповещения стрелой и светский стиль извещения письмом:

И садился на ременчат стул,
 Писал скорописчатые ярлыки;
 В ярлыках Васинька прописывал:
 «Зовет-жалует на почестен пир»;
 Ярлычки привязывал ко стрелочкам
 И стрелочки стрелял по Новуграду (Рыбников 1861: 336).

В других версиях старины действие насыщается яркими деталями новгородской «письменной культуры»:

Взял перо да со чернилами,
 И взял лист бумаги гербовья,
 И написал он писемышко...
 И бросил писемышко на Волхов мост.
 И пошли мужики новгородчане,
 И нашли это писемышко (Рыбников 1862: 202–203).

Во славном было во Новеграде
 Грамотны люди шли,
 Прочитали те ярлыки скорописчаты,
 Пошли ко Ваське на широкий двор (Кирша Данилов 1892: 62).

Пристрастие новгородцев к письму видно и в том, что даже победа Василия в кулачном бою над горожанами оформляется письменно — в виде «записей заручных» с ручательством покорности (Кирша Данилов 1892: 69).

Не чужд письменных формальностей и служитель муз Садко. В эпизоде остановки корабля посреди моря он велит дружине расписывать жребии, кому идти к царю поддонному, — «всяк свои имена подписывайте»,

а когда жребий выпадает ему самому, усаживается писать завещание с росписью имущества церквам, жене, дружине хороброй, нищей братии, для чего распоряжается принести ему «чернильницу вальязную, перо лебединое и лист бумаги гербовый» (Рыбников 1861: 377). Впрочем, в поддонное царство Садко отправляется все же не с бумагой, а с гуслиями. И все же новгородский эпический темперамент допускает сочетание вдохновения и правописания.

Киевские герои склонности к обучению и грамоте не обнаруживают. Если Добрыня Никитич все же «изучился вострой грамоте», то Алеша Попович читать не умеет и просит попутчика прочесть надпись на камне: «А и ты, братец Еким Иванович, // В грамоте поученой человек! // Посмотри на камению подписи, // Что на камению подписано» (Кирша Данилов 1892: 145). Не силен в грамоте и «старый казак» Илья Муромец, просидевший детство и молодость (тридцать лет) без движения «на седалище» (Былины 1986: 49–52).

ДРУЖИННОСТЬ

В новгородском эпосе дружина предстает не княжеским воинством, а командой друзей. Она создается «не в службу, а в дружбу». Ее назначение — не военный поход и защита границ, а совместные гуляния, драки, приключения, путешествия, боевые и деловые действия, борьба за первенство своего вождя. Новгородская дружина сопровождает предводителя в домашних делах и заморских вояжах. Ей близок исходный смысл слова *дружина* — «дружеская команда».

Василий Буслаев следует совету матери: «Прибирай-ка себе дружину хоробрую, // Чтоб никто ти в Нове-граде не обидел» (Рыбников 1861: 336). В других вариантах былины мать ссылается на опыт отца, который когда-то «без порток ходил», а сумел разбогатеть, потому что «не имел в кармане он ведь ста рублей, а имел дружину хоробрую» (Рыбников 1862: 202). Сбор предваряется рассылкой приглашений (ярлыков) на пир, а разворачивается как турнир-испытание: гостям предстоит испить огромную чару вина «за единый дух» и «истерпеть» удар дубиной — чер(в)ленным вязом — по голове:

Кто изопьет чару зелена вина,
Мерой чару полтора ведра,
Весом чару полтора пуда,
И кто истерпит черлений вяз,
Тот ступай на почестен пир (Рыбников 1864: 234).

Прошедшие испытание вступают в дружину и становятся крестовыми братьями Василия. Собранная таким образом дружина в тридцать

молодцов напоминает городскую банду, спаянную побратимством и боевыми правилами. По обычным для военного ордена, мужского союза или банды правилам дружина считает себя сообществом избранных и жестко отторгает чужаков — убивает и бросает за ворота (в этом смысле она больше напоминает мафиозное братство, чем народное ополчение):

Собиралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам Василий тридцатой стал.
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят (Кирша Данилов 1892: 61).

Однажды Василий с дружиной в царевом кабаке напились «зелена вина», после чего явились канун пить в церковную «братчину Никольшину» (варианты: у Викулы у Окулова, у князя Новгородского). Здесь-то и «начали уж ребята боротися, а в ином кругу в кулаки битися», после чего «началася драка великая». Василий вступился за свою дружину, начал было разнимать дерущихся, но «иной дурак зашел с носка, его по уху оплел». Драка разрослась до уличных боев, и Василий бросил вызов всему Новгороду:

«Гой еси вы, мужики новгородские!
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, драться,
Со всею дружиною хораброю...» (Кирша Данилов 1892: 64).

На следующее утро на Волховском мосту начинается побоище, в котором сходятся мужи Новгорода и дружина Василия, а сам он беспробудно спит. Девка-чернавка — не то служанка матери, не то дружинница (в одной из версий она проходит испытание чарой и червленим вязом) — идет поутру к Волхову за водой, видит драку, присоединяется к дружине и коромыслом крушит мужей новгородских. Затем бежит домой, будит Василия, тот хватается «ось железную тележную» и мчится к Волховскому мосту «в одних тонких чулочиках без чоботов, в одной тонкой рубашечке без пояса» (Рыбников 1861: 355). Дружина уже вся изранена, «по колено в крови»; Василий вступает в бой, а дружину отсылает на отдых: «Я топерь за вас нунь пороботаю // А подьте-тко вы братцы на отдох-то нунь» (Гильфердинг 1873: 292). Тележной осью он крушит людей и дома, одерживая победу над Новгородом. Позднее дружина сопровождает Василия в поездке в Иерусалим, видит его гибель, хоронит его и привозит матери траурное известие. Мать оплакивает сына

и распускает дружину. Примечательно, что по совету матери дружина собралась и по ее же воле была распущена.

У Садко тоже есть дружина, но бои она ведет не кулачные, а торговые. Впрочем, дружину, от которой требуется уже не бойцовская, а купеческая хватка, по-прежнему называют «хороброй». Вознамерившись скупить все товары Новгорода, Садко взывает:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Берите-ка бессчетной золотой казны
И выкупите весь товар в Нове-граде» (Рыбников 1861: 367).

Ставал Садке на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну (Рыбников 1861: 374)

Скупив все товары, Садко силами той же «дружинушки хороброй» строит «кораблики великие»:

«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
Вы берите золотой казны по надобью.
А стройте-тко да тридцать кораблей,
Нос-корму кладите по звериному,
Бока-то вы сведите по змеиному,
Машты кладите красного деревца,
Блочики кладите все кизюльные,
Канатики кладите все шелковые,
Паруса кладите полотняные,
Якори кладите все булатные...» (Гильфердинг 1873: 739).

В карельском пересказе былины Садко набирает корабельную дружину из тех, кто полностью ему доверяет и не спрашивает, куда придется плыть, зачем собирать на пустынном острове пни и камни, которые затем чудесным образом превращаются в золото и серебро (Новгородские былины 1978: 393). Как и дружина Василия, команда Садко собирается добровольно, на основе взаимного интереса и доверия. Если киевскую дружину связывает княжеская служба, то новгородскую — молодецкая дружба.

Дружины Василия и Садко сходны единством духа и воли. В них читается хроника городской группировки, понятная как средневековому новгородцу, так и современному российскому горожанину. Известно, что на новгородском вече было за обычай подраться, особенно на Волховском мосту с ритуальным сбрасыванием побежденных в реку (вслед за Перуном). Эти схватки были не столько сражениями на поражение, сколько своего рода кулачной демократией. «Рукопашное голосование» и ныне живо в сельских, уличных и городских «разборках», а особенно ярко оно запечатлелось в бандитских разгулах смутных 1990-х. Подобную дружинность можно считать глубинной традицией и «наследием», до сих пор хранимым уличными бандами. Сценарий сбора «дружины» (банды) на пирушке, гуляния молодцев гурьбой по кабакам со скандалами и драками — живая связь времен и «понятий», благодаря которой новгородский эпос актуален по сей день.

ВЕЛИК ЗАКЛАД

Новгородские былины проникнуты конкурентностью и договорностью. Садко и Василий Буслаев закладывают свои головы, бросая вызов великому городу: Василий идет на бой с Новгородом, Садко скупает все его товары. Ничего похожего в отношении Киева южные богатыри не совершают.

Шокирующие заоблачные амбиции Василия и Садко вызывают то сочувствие, то раздражение (что выражено, например, в попытках матери Василия унять разбуянившегося сына). При этом создается впечатление, что дело не в выгоде, а в кураже. Чем решительнее заклад и абсурднее вызов, тем выше накал состязательности и ярче эпический образ. В разных версиях былины Садко то достигает цели, то расписывается в поражении: в одном случае он скупает все новгородские товары, худые и добрые, даже «черепаны — гнилые горшки», в другом признает, и как будто без горечи: «Не я, видно, купец богат новгородский, — побогаче меня славный Новгород» (Новгородские былины 1978: 151). Василий неизменно побивает новгородских мужей, зато позднее, в путешествии в Иерусалим, его неминуемо ждет расплата.

В новгородской традиции правом на риск и заклад обладает человек, наделенный харизмой и отвагой, граничащей с безрассудством. Василий смело идет на один риск за другим, от пира до побоища на Волховом мосту. Садко раз за разом закладывает свою буйну голову: в споре о рыбе золоты перья, в претензии на все товары новгородские, в погружении на дно морское. И тот и другой преодолевают каскад препятствий, безостановочно переходя от одного состязания к другому.

В основе драматургии новгородского эпоса — игра и азарт. Именно атмосфера состязания пленит слушателя новгородских былин, держит его

в напряжении и сопереживании. При этом действуют твердые правила игры, обеспечивающие последовательность действий и событий. Независимо от симпатий и переживаний исполнителя и слушателей, несмотря на исход схватки, неизбежными остаются договор и данное слово. Собственно «велик заклад» — не что иное, как закон слова, даже если оно сказано в пылу или во хмелю. В какой-то мере сценарий строится на «игре в заклад» — на провокации высказывания и «ловле на слове».

На пиру Садко подпавают, а он в ответ «похващается», что-де есть чудо-чудное в Ильмень-озере — рыба золоты перья. И перед закладом на скупку всех товаров новгородских он роняет неосторожное слово:

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было (Рыбников 1861: 373).

Василий «пьяными глазами ударился об велик заклад», но слово во хмелю не менее твердо, чем то, к которому «и записи написали, и руки приложили». Новгородский эпос утверждает незыблемость договора, при каких бы обстоятельствах он ни был заключен и сколь бы абсурдно ни выглядели его условия (если бы эпос не нес в себе иных ценностных акцентов, можно было бы подумать, что он нацелен на культ договора и ответственности «во что бы то ни стало»). Иногда «правила игры» оговариваются в деталях: бой Василия с Новгородом должен происходить непременно на Волховском мосту, и если Василия «свелят» на пути к мосту, у моста или на мосту, то «вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова» (Рыбников 1861: 340; 1862: 205).

Головокружительно высокая ставка заклада — апогей игры: новгородские мужи идут ва-банк на астрономические суммы (баснословные по тем временам двести тысяч рублей). Василий делает ставку на свою буйну голову:

И ударился Васька о велик заклад
Не о ста рублях, не о тысяче,
Ударился Васька о своей буйной голове:
Заутро биться Ваське со всем Новым-городом (Киреевский 1862: 12).

Иногда «велик заклад» раскладывается на набор обязательств (вариации на эту тему подтверждают интерес к ней новгородцев):

«Тако вы меня с дружиною побьете Новым-городом,
 Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
 На всякой год по три тысячи;
 А буде же я вас побью,
 И вы мне покоритися,
 То вам платить мне такову же дань» (Кирша Данилов 1892: 62–63).

С одной стороны, былинный сценарий опирается на обыденность: оба героя ходят по пирам, только Садко играет на гусях, а Василий — на кулачках. С другой стороны, былинная драматургия провоцирует на риск: оба бросают вызов великому городу. В искусстве головокружительного риска состоит тайна чуда: велик заклад сулит велик успех.

БОГОБОРЧЕСТВО

Садко заставляет плясать под свои гусли Морского царя и его подданных; Василий Буслаев своим неистовством в битве на Волховском мосту воскрешает дух Перуна. Оба прибегают к магии и потусторонней силе отнюдь не христианского толка. Впрочем, речь идет не о язычестве, а о «самоверии» героев, их духовной вольности.

Садко проявляет себя в амплуа кудесника и мага: он музыкой завораживает стихии, творит чудеса с рыбами золоты перья, погружается в подводный мир и чудом оттуда возвращается. Обычное для него общение с духами природы — репертуар шаманского или колдовского толка: его духом-покровителем выступает Морской царь (варианты: Поддонный царь/князь, царишшо Поддонишшо, царь Водяник с царицей Водяницей), он совершает жертвоприношения морю, в одной из версий передает поклон от Волги-реки Ильмень-озеру:

«Когда придешь ты во Нов-город,
 А стань ты под башню проезжую,
 Поклонися от меня брату моему,
 А славному озеру Ильменью» (Новгородские былины 1978: 175–176).

В былине присутствуют и христианские образы, но в причудливом амплуа и обличье. Когда Садко разыгрался, а Морской царь расплясался, и на море поднялась буря, гусярлю не то во сне, не то наяву явился «старик седатый» (варианты: Старчище незнай собою, Святитель Николай, Богородица), увещевая прекратить бесовское игрище:

«От твоих от игор от бесовских,
 И от тых от плясок нечестивых,
 Окиян сине море всколыбалося,

Кораблики все повыломало,
Людей-то всех повытопило» (Рыбников 1861: 369).

Садко и сам вписан в северную морскую мифологию, будучи избранником Морского царя и возмутителем спокойствия поддонного царства. В роли посредника между земным и морским мирами выступает защитник мореходов Николай Чудотворец (Мокрый), которому люди молятся для успокоения шторма. Тем самым на Садко в этом эпизоде замыкаются эпос и ритуал. Одновременно Седатый старик (в образе которого является Никола) поучает Садко, как вернуться из морского царства в земное, выбрав последнюю из предложенных ему девиц и не творя с нею «блуда во синем море», а по возвращении построить «церковь соборную Миколе Можайскому» (Рыбников 1861: 379). Кстати, возведение храма служит одним из аргументов в пользу соотнесения былинного героя с летописным Садко Сытиным, построившим в Новгороде каменную церковь (Пропш 1999: 105, 110).

В отличие от миролюбивого Садко Василий Буслаев охвачен неистовой яростью. Унять его боевой пыл пытается крестный отец — «Старчище-пилигримище» (варианты: Игнатьище, Елизарище, Андронище, Макарище, Угрюмище), который предостерегает:

«Из Волхова воды не выпити
Во Новеграде людей не выбити» (Кирша Данилов 1892: 67).

Старчище-пилигримище — воплощенный символ церкви, паломник и монах Кирилловского (варианты: Юрьева, Антониева) монастыря. На голове у него церковный колокол, причем не какой-нибудь, а снятый со св. Софии: «Несет на голове Софеин большой колокол» (вариант: по пути к Волховскому мосту снимает колокол с колокольни и надевает себе на голову) (Рыбников 1862: 200; 1864: 238). Колокол огромен, весом в тридцать или три тысячи пудов; старец олицетворяет Новгород, и в нем различимы черты новгородского владыки-архиепископа (Пропш 1999: 459, 462).

Между Старцем (церковью) и Василием (церквоборцем) разворачивается дуэль — сначала словесная, затем батальная. Старец заводит речь по-отечески: «Ты послушай, да я тебе веть отец крестной веть, // Я грамоты тебе учил, на добрыи дела наставлял» (Григорьев 1904: 168). Но тут же сквозь увещевание прорывается злоба: он обзывает Василия куренком (щененком, глуздырем, бобзуном) и пытается убить. Василий отвечает:

«(С)колько я тебя хрестным ни назывывал,
На веку ты мне яичка не даывал,
Теперь мы с тобой похристосуемся:
Вот тебе красно яичко — Христос воскрес!» (Киреевский 1862: 13).

С этими словами Василий разбивает тележной осью колокол и голову Старца (вариант: у Старца выскакивают из орбит глаза, падают в Волхов и «плывут как голуби»). Крестник торжествует:

Еще сердце в нем не уходило,
Еще (и)грает над телом Васька Буслаев сын:
«Лежи ты здесь, сучище облезлое,
Вот тебе яичко — Христос воскрес!» (Киреевский 1862: 8).

Никакому другому персонажу былины не выпадает такой свирепой расправы, как Старчицу. В киевском цикле подобное глумление допускается только в отношении лютых врагов и чудищ, а в новгородском сюжете речь идет о духовном отце и символе церкви. Ко всему прочему убийство сопровождается кошунственно звучащим восклицанием: «Христос воскрес!».

В неистовстве Василия читается «реванш Перуна». Языческая ярость попирает власть церкви и покорность паствы, воскрешая — пусть на миг былинного действия — господство силы и удали, культ вечевых боев и кулачных забав. Новгородское побоище-состязание, в отличие от битв киевских богатырей с иноземцами и иноверцами, было кровавым, но праздничным игрищем; вообще кулачные бои на Руси проходили «в празднички», обычно на Масленицу, и «подвергать себя из доброй воли побоям, бить других без пощады — было роскошным веселием для наших отцов и дедов» (Сахаров 1841: 87).

Выдающиеся бойцы становились легендарными — в народе, но не в церкви. В XIII в. митрополит Кирилл Киевский и вся Русь грозил участникам кулачных забав отлучением от церкви: «Аще кто изобрящется по сих правилех бецинье творя, да изгнани будут от святых Божиих церквь, а убиенные да будут прокляты в сий век и в будущи» (РИБ 1908, т. VI: стлб. 95–96). По своей миссии Василий Буслаев — антипод церкви. Он из тех новгородцев, кто «слышит голос Перуна», кто в память о некогда сброшенном в Волхов языческом божестве «и ныне безумнии, убивающиеся, утеху творят бесом» (ПСРЛ 1851, т. V: 121). В его всеограждающей дубине (вариант: тележной оси), именуемой на языке былины «червленым вязом», видится палица Перуна. Это о ней заявляет Василий в ответ на предостережения:

«А не верую я, Васинька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз» (Кирша Данилов 1892: 136).

Если в Новгороде Василий одержал верх, то в Иерусалиме он нашел смерть. Его поездка в Землю обетованную нередко представляется

покаянием — из-за того, дескать, что «убивал много народу православного» (Марков 1901: 270). На самом деле он не похож на кающегося грешника, и его вояж на родину христианства больше напоминает очередной вызов церкви и богу.

Василию нипочем подстерегающие его в пути «долгополые сорочкины» (он считает их своим червленым вязом) и грабители — станичники-коробичники (их он «пробегаёт»); ему не страшны морские течения и волны (руль и парус в руках крепкой дружины). Василию угрожает только месть христианского бога, установки которого он надменно нарушает. Отправившись в Иерусалим вроде как на поклон, он на каждом шагу грешит, будто его путает бес. На первых порах он отправляет паломнические обряды — прикладывается ко гробу Господню, молится, служит панихиды, но покорности ему хватает ненадолго. Совершая омовение в реке Иордан, он раздевается донага, хотя положено окунуться одетым, о чем ему кричит с другого берега девка-чернавка:

Ай же Василий сын Буслаевич!
Нагим телом в Ердань-реке не куплются,
Нагим телом купался сам Иисус Христос!
А кто куплется, тот жив не бывает (Гильфердинг 1873: 726).

Пребывание Василия в Земле обетованной оттеняется фразой «Васенька тому не верует». Пренебрежение к предупреждениям он демонстрирует и при встрече с «мертвой головой». На пути в Иерусалим он видит «высоку гору» и велит «привернуть» к ней. У подножия Сорочинской горы (варианты: Сион-горы, Фараон-горы, Фаворской горы, Латырь-камня) лежит череп:

Нашел Василий только сухую кость,
Сушу голову, кось человеческу (Ончуков 1904: 354).

И стал он косточку попинывать
По матушке по Сион-горе (Рыбников 1864: 240).

Стал головушку попинывать,
Стал над головушкой подшучивать (Тихонравов, Миллер 1894: 233).

Когда возмущенный череп предрекает Василию смерть, тот «плюнул да и прочь пошел». Когда на обратном пути Василий проезжает ту же гору, у ее подножия он видит уже не череп, а камень с загадочной надписью: «Кто этот камень скочит да перескочит?» (Тихонравов, Миллер 1894: 235). Василий принимает вызов. Дружина благополучно

скачет поперек камня, а ему приспичило прыгнуть вдоль (вариант: спиной вперед, лицом назад).

Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камению —
И не доскочил только четверти,
И тут убился под камением (Кирша Данилов 1892: 142).

Дружина скачет передом,
А он, Василий сын Буслаевич,
Скочил задом через бел-горюч камень (Рыбников 1864: 241).

Пал-то Василей да о сыру землю,
Расколело у Василья буйну голову.
И тут-то Василию славы поют (Новгородские былины 1978: 43)

С позиции церкви Василий — антигерой, но в народе ему «славу поют». В отличие от южных богатырей, которые сражаются за истинную веру с врагами-басурманами, былинный новгородец грешит, кощунствует и гибнет от кары Господней. При этом он вызывает симпатию и сочувствие у сказителей и слушателей, которые любят его силой и удалью, верностью дружбе (дружине) и почтением к матери. Это особенно заметно на фоне трусости, жадности и коварства его противников.

Б. Н. Путилов отмечал: «Эпос почти не знает характеристик нейтральных, противоречивых, двойственных»; в нем «неизменно сталкиваются и борются два мира... живут два ряда героев: одни воплощают светлые идеалы народа, они окружены особым уважением и восхищением; другие — враги народа, с которыми идет непримиримая борьба, которых сопровождают презрение и ненависть» (Путилов 1957: 19).

Василий Буслаев, как и весь новгородский эпос, напротив, выглядит средоточием противоречий. Былина о Василии — драма, и образ ее главного героя драматургичен, полифоничен, насыщен энергией, возникающей только в накале конфликтов. Его молодечество не знает границ, и он бросает вызов не только Господину Великому Новгороду, но и Господу Богу. Диалог с Богом у Василия не заладился, вернее, расстроился из-за его своеволия, «своеверия» и свойственной новгородцу скрытой симпатии к иным богам, прежде всего к тому, что был повержен некогда в воды Волхова с моста, ставшего с той поры ареной вечевых сражений. А Новгород признал Василия, по крайней мере в эпосе:

Покорился-то весь да славный Новгород,
Выдавали, отдавали золоты ключи (Ончуков 1904: 388).

СМИРЕНИЕ

Новгородским былинным героям свойственно смирение не перед Богом, а перед женщиной. Унять Василия в силах только его мать, к помощи которой прибегают мужи новгородские, и всеокрушающий Василий настолько покорно следует ее воле, что в некоторых сценах напоминает «маменькина сынка».

После смерти отца Василия растила мать, Емелфа (Амелфа, Мамелфа, Намельфа, Фетьма) Тимофеевна (варианты: Авдотья Васильевна, Офимья Александровна). Поскольку Вася проявлял буйство с ранних лет: «Кого хватит за руку, // Рвет руку из плеча вон; // Кого хватит за ногу, // Рвет ногу из ходилов вон», — матушке приходилось выслушивать жалобы соседей и унимать «свое чадо милое»:

«Ты мое дитя, чадо милое,
Молодой Василий сын Буслаевич!
Что по Нову-граду ходишь ты — уродуешь?» (Рыбников 1862: 202).

Правда, вместо назидания или наказания Емелфа Тимофеевна учит сына, как нарастить силу и добиться превосходства — собрать «братию и дружину хоробрую». Позднее, в разгар конфликта, мать пытается уберечь сына от опасности — прячет его за решетки и замки в «клеточку железную» (варианты: в глубокую яму, в погреб, под каменную плиту, за дюжину дверей с дюжиной замков), приковывает к стене, заковывает в кандалы, обвивает веревками шелковыми. Впрочем, остается неясным, кого от кого нужно беречь — Василия от Новгорода или наоборот: в следующей сцене мать по просьбе новгородских мужей уже успокаивает вырвавшегося на волю и сокрушающего все на своем пути Василия:

Тут приходит к Васильюшку родна матушка,
И пала к нему на плечка на могучии,
Сама говорит Василью таковы слова:

«Ай же ты, сын мой любезный!
Укрепи свое сердечко ретивое,
Уходи свои плечка могучии!»
<...>

И тут берет Василья родна матушка за ручки за белыя,
Ведет его во свой покой во любимыя:
И стала тут Васильюшка кормить-поить,
В покоях хоронить и весело с ним жить (Рыбников 1862: 201).

В одной из версий былины «честна вдова Амелфа Тимофеевна», откликнувшись на просьбу новгородских мужей оставить хоть кого-то из них «на семена», прекращает бойню и уносит своего могучего сына домой, закутав в шубу, будто запеленав младенца:

Чеботы надела на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
Прибежала на поле на Волхово,
Захватила Василья в соболиную шубоньку,
И принесла в свои палаты белокаменны,
И поила-кормила удалаго добра молодца (Рыбников 1864: 239).

В Иерусалим Василий отправляется тоже с разрешения матери, следуя ее предупреждениям и распоряжениям:

«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною хораброю,
Мне-ко Господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердан-реке искупатися» (Кирша Данилов 1892: 134).

Наконец, умирая, Василий на последнем вздохе велит дружине передать поклон своей матери, мечтавшей его женить:

«Скажите-ко, братия, родной матушке,
Что сосватался Василий на Фавор-горе
И женился Василий на белом-горючем камешке» (Рыбников 1862: 208).

Узнав о смерти Василия, мать расплакалась, собрала все свое «именье-богачество» и раздала по божьим церквам и монастырям, а дружину хоробрую распустила по домам. Тем самым мать предопределяет и сопереживает судьбу своего сына от начала до конца. Ей послушен неукротимый буян, она запирает его, уводит (уносит) с поля боя, оберегает, укрощает. Мать и дружина — мир Василия, за границами которого — сплошная распря. Эти две стороны жизни, как день и ночь, образуют динамику и противовесы эпоса.

В мире матери скрыта служанка, «девка-чернавка», играющая второстепенную, но в моменте значимую роль. Вообще-то «чернавка» — выполняющая черную работу «девушка дворовая», «черनावушка шолудьявушка», «девушка поваренная», «кухарка-хлебница, удалая портомойница».

В былинах она выступает оком всевидящей матери: идет за водой на Волхов, видит бойню на мосту, бьет противников коромыслом, поднимает Василия на решающее сражение. Некая «черनावушка» предостерегает Василия и на берегу Иордани, когда он голым вошел в святую воду.

Девушка-черनावушка оказывается яркой героиней второго плана и в былине о Садко. В награду за чудесную игру Морской царь предлагает гуслиарю выбрать невесту среди девиц морского царства. Эта сцена становится кульминацией подводной одиссеи Садко, и на ней фокусируют внимание все сказители. В разных версиях речь идет о (сно)видении, в котором «старик седатый» (Николай Угодник) призывает Садко выбрать последнюю из вереницы девушек — черनावушку, а ночью на брачном ложе не трогать ее: «Не двинься, Садко, да к молодой жоны» (Ончуков 1904: 362); «Не обнимай жену, не целуй ее!» (Новгородские былины 1978: 216). В некоторых версиях былины чернавка предстает не красоткой, а дурнушкой: Садко «выбирает девицу, коей хуже нет... коей черней нет» (Гильфердинг 1873: 880), «которая шла позади всех и чернея всех» (Рыбников 1864: 247), «девушку поваренную, а котора девушка похуже всех» (Кирша Данилов 1892: 62). Как бы то ни было, именно выбор черनावушки открыл Садко путь домой:

Он перво третье триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Черनावушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошел у них столованье почестен пир,
Как ложится спать Садко во перву ночь,
Не творил с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садке во Нове-граде
О реку Чернаву на крутом кряжу (Рыбников 1861: 379–380).

Во всех эпизодах новгородских былин девушка-черनावушка выступает слугой и посланницей матери, связной между домом, морем, рекой, землей. Возможно, есть основание в популярной трактовке мистической подводной женитьбы Садко как символического брака с Черной — Волх-рекой (матушкой Волховой). Не исключено, что и в веренице морских девиц черनावушка была посланницей матери и дома. В любом случае ее роль не противоречит северорусской мифологии с акцентом на чувственной связи между людьми и духами природы, например, в игре Садко на берегу Ильменя, его гостевании в морском царстве, обрядах жертвоприношения морю, кормления Волги хлебом-солью, в посредничестве между Волгой-рекой и Ильмень-озером.

«НОВГОРОДСКАЯ МЕЧТА»

В образах и чертах Садко и Василия выражена «новгородская мечта». Она — не звук, не аккорд и не мелодия, а полифония разных тем, настроений и голосов. Потому столь насыщенно и многотемно звучат симфония и опера «Садко» Н. А. Римского-Корсакова и «Фантазия на темы Рябины» А. С. Аренского, что они вторят сложности сюжетов и гармонии полутонов северных былин. Герои новгородского эпоса — не статичные образы, а динамичные судьбы; они пребывают в движении, превращении, путешествии. В этом смысле «новгородская мечта» — не идея, а сценарий. Мечтать по-новгородски — значит действовать, веря в себя и в чудо. Каждый слушатель былин имел возможность с детства представлять себя повелителем великого города, совершенствуясь в изящных или боевых искусствах. Эпос убеждал, что это под силу простому гуслею и удалцу, заодно предлагая испытанный план действий (распространение «листонок», сбор дружины и т. д.).

В свое время Б. Н. Путилов передал эту мысль словами: «В былине о Садко отразились не только торговое могущество и широкие экономические связи Новгорода, но и чаяния обездоленных масс новгородцев: бедный гуслею Садко с помощью чудесных сил обретает богатство и личную независимость; он добивается всего этого благодаря своему высокому искусству» (Путилов 1957: 32). По мнению В. Я. Проппа, Василий Буслаев художественно выражает «новгородскую русскую удаль» — особый дух молодечества, развитый в новгородцах благодаря торговле; в то же время он — «образ трагического героя», «необычный случай в русском эпосе», герои которого всегда должны побеждать и не имеют права на гибель (Пропп 1999: 443, 475).

А. Ф. Гильфердинг предложил наброски портретов былинных персонажей: «ни разу Илья Муромец не изменил типу спокойной, уверенной в себе, скромной, чуждой всякой аффектации и хвастовства, но требующей себе уважения силы; везде Добрыня явится олицетворением вежливости и изящного благородства, Алеша Попович — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолюбия, везде Михайло Потык будет разгульным, увлекающимся всякими страстями удалцом, Ставер — глупым мужем умнейшей и преданной женщины, Василий Игнатьевич — пьяницей, отрезвляющимся в минуту беды и который тогда становится героем, Дюк Степанович — хвастливым рыцарем, который пользуется преимуществами высшей цивилизации перед русскими» (Гильфердинг 1873: XXII). Примечательно, что в этой галерее нет новгородцев, образы и характеры которых более сложны и динамичны.

Насколько реалистичен северный эпический образ и, соответственно, осуществима «новгородская мечта»? Былины о Василии и Садко сочетают противоположные свойства: с одной стороны, они полны чудес и мифов,

с другой — содержат массу практических сведений, например, как вязать сети, закидывать тони в Ильмень-озеро, хранить рыбу в погребах, строить и оснащать корабли, расставлять на руле и парусе членов команды, скупать товары и грузить их на суда. Упомянутые в былинах имена новгородцев кажутся взятыми из жизни, описания пиров и городских сходок напоминают зарисовки с натуры, путешествия Садко и Василия иногда выглядят итинерариями:

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленных;
На ты на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садке по Волхову,
Со Волхова на Ладожско,
А с Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море (Рыбников 1861: 375).

По тому же «варяжскому» маршруту в ряде случаев направляется Василий Буслаев — вниз по Волхову в Ладогу и по Неве в Балтийское (Веряжское, Виранское) море, хотя вообще-то держит путь в Иерусалим (иногда сказитель упрощает схему: корабль отчаливает в Новгороде и причаливает в Иерусалиме). События и действия в новгородских былинах представлены так, что их можно повторить, и в этом смысле «мечта» сродни «памятке пользователю».

Северный эпос содержит и иные, далекие от обыденности картины: будоражащие воображение сцены живой мифологии (морского царства, Земли обетованной), притягательные своей запредельной экзотикой и героикой. На этом парадоксальном сочетании патетики и прагматики строится северный эпос, манящий мифом и предлагающий партию его воспроизведения. Этнографически этот резонанс выражен в культуре русских поморов, сочетавших рациональные и эмоциональные мотивы в далеких путешествиях, например, на Грумант и в златокипящую Мангазею.

Новгородский эпос выделяется не только сложной драматургией, но и, с позволения сказать, экзистенциальностью: события в былинах разворачиваются будто сами по себе и по воле случая, как в жизни. Эта живость оборачивается эффектом интерактива и альтернативности (а если бы Василий не полез голым в Иордан? а если бы Садко не устоял перед соблазном на дне морском?). Выбор решения, оценки, ракурса — если не сказителем, то слушателем — создает атмосферу свободы мысли. Северная былина не делит героев на хороших и плохих, не принуждает хвалить Василия за то, что он побил весь Новгород, а Садко — за то, что

он скупил все его товары. Вольнодумие — естественное настроение и состояние новгородского эпоса, причем именно «вольное вольнодумие», а не показательное и обязательное (иногда принудительное) поклонение свободе.

Только полная свобода, называемая по-русски волей или волюшкой, позволяет увлечься и насладиться мечтой о триумфе в кулачной или торговой схватке. Интрига новгородского эпоса состоит в расширении пространства вольности до предела и за пределы предела: если буйан с тележной осью может пойти войной на весь мир, а гусяр перебором струн заморозит природу и сказочно разбогатеть, то поле персональных амбиций и возможностей становится безбрежным. Единственным якорем на этих просторах остается любовь к матери (земле, реке), а рулем или парусом — верность дружбе (дружине).

Можно ли считать подобный настрой эпоса северорусской самобытностью? Киевские богатыри верно служат князю и храбро бьют иноземцев, их ратные подвиги к мыслям о безграничной персональной свободе не располагают. Конечно, не все заложено в эпосе и многое зависит от рапсода: А. Ф. Гильфердинг заметил, что у богобоязненного сказителя «богатыри отличаются особенной набожностью, они то и дело молятся Богу», а у служителя петербургской «лакейской сферы» былинные герои невольно выходят лакеями (Гильфердинг 1873: XXVII–XXVIII). Передача и восприятие экзистенциальной свободы северорусского эпоса предполагает не только соответствующее содержание, но и адекватное исполнение; родиться и жить эти былины могли лишь в вечевом Новгороде и на избавленном от крепостничества Русском Севере. Фраза В. Я. Проппа о Садко: «Это образ не только совершенно русский, но и новгородский» (Пропп 1999: 89), на мой взгляд, предпочтительна в редакции: «Это образ совершенно новгородский и потому исконно русский».

При всей почвенности новгородского эпоса фольклористика пестрит параллелями в других традициях. Садко отражается в карело-финском образе Вяйнемейнена, чья чудесная игра на кантеле привлекла морского царя *Ahti*, в греческом (фракийском) мифе об Орфее, библейской повести об Ионе во чреве кита, рассказе о купце Садоке из старофранцузского романа о Тристане из Леонуа, индийской поэме «Гариванса» о похищении царя Яду подводным царем Джумаварной, буддийской легенде о захваченном водяными змеями мудреце Самгхе-Ракшите, корейской новелле о поэте, корабль которого был остановлен царем драконов. Василий Буслаев своим буйством и индивидуализмом напоминает германского Зигфрида, нормандского Роберта Дьявола, викинга Боси, а в чем-то даже губителя Новгорода Ивана Грозного (Веселовский 1886; Жданов 1895: 341; Миллер 1897: 289; Шамбинаго 1913; Брим 1926: 21; Новгородские былины 1978: 395, 396 и др.).

В этих ассоциациях немало конвергентного или типологического сходства, но есть и смежная география (прежде всего финская и скандинавская), позволяющая видеть в них историко-генетические связи. Новгородской культуре свойственна магистральность, предполагающая контакт и обмен с другими культурами, и северорусская самобытность обильно подпитывалась внешними заимствованиями — не случайно оба былинных героя, Садко и Василий Буслаев, непременно путешествуют. Для некоторых русских северян, совершавших торговые и военные рейды по обширной новгородской ойкумене и называвшихся ушкуйниками, путешествие было образом жизни.

С. М. Соловьев первым назвал Василия Буслаева ушкуйником — «образцом и предводителем новгородской буйной молодежи, славной походами своими на севере, ходившей всюду без новгородского слова, не дававшей покоя ни своим, ни чужим» (Соловьев 1988: 91, 93). Не случайно имя его отца — *Буслай* — означает, по В. И. Далю, «разгульный мот, гуляка, разбитной мальй». И Садко — у Кирши Данилова — не лиричный гуслиар, а удалый молодец, двенадцать лет гулявший по Волге с вершины до устья, до «нижнего царства Астраханского» (Кирша Данилов 1892: 214–215). В новгородском эпосе можно различить «арию ушкуйника», чьи хождения охватывают широкий круг традиций на перекрестках викингских и новгородских путей.

ПОЮЩИЙ СЕВЕР (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Былинная традиция — достояние России и прежде всего ее Севера; на Украине и в Беларуси такого эпоса нет; во второй половине XIX в. В. Ф. Миллер отмечал, что «былины были доселе записываемы исключительно в великорусских губерниях», тогда как «ни в малорусских, ни в белорусских губерниях они не встречались, хотя в поисках не было недостатка». В пределах России былинное наследие известно на Урале, в Сибири, Поволжье, казачьих районах Дона и Терека, но главным очагом распространения и расцвета эпоса предстает Русский Север (Прионежье, Пинега, Мезень, Беломорье, Припечорье); «в Заонежье и на Пудожском побережье у всякаго смышленого пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины» (Миллер 1897: 4, 67). По мере удаленности от Русского Севера содержание и манера исполнения отдалялись от источника: например, если северные рапсоды исполняли былины соло, то южные казаки пели их хором (Астахова 1966: 216).

Почему именно Север оказался очагом русского эпоса? Свобода и глушь, отвечает А. Ф. Гильфердинг, послужили причинами распространения былин на Севере. Свобода Севера от крепостного права сочетается с идеалами «свободной силы, воспеваемой в старинных рапсодиях». Отдаленность от городов, фабрик, промышленного духа и грамотности

также была своего рода свободой — «свободной памятью», «громадной силой памяти», необходимой для заучивания и воспроизведения без запинки многочасовых эпических поэм; былины не вмещаются в голову, «загроможденную книжным учением», «занятую расчетами житейской борьбы». Устная традиция плохо уживается с письменной, «почти все рапсоды неграмотные», и «былины сохранились только в среде крестьян», тогда как в районах, тяготеющих к Петербургу, эпическая традиция угасает. К пению старин располагают распространенные на Севере ремесла вроде плетения сетей — «занятия, особенно благоприятствующего былевой поэзии»; зато «крестьянство» (земледелие) и другие тяжелые работы «заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певалось». Наконец, неперемненные условия сохранения эпической поэзии — «верность старине и вера в чудесное» (Гильфердинг 1873: XI–XXIII).

Гильфердинг и его последователи были убеждены в том, что былины могут знать, любить и исполнять только достойные люди, живущие на Русском Севере:

Былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни...

Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал; он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти (Гильфердинг 1873: VIII, XVII).

... характерный облик северянина — отважного, выносливого, целеустремленного, полного чувства собственного достоинства, привыкшего полагаться на собственные силы, с навыками коллективного, артельного труда, требовательного к себе и товарищам по работе. Эпос с его образами мужества, верности долгу и товариществу был поэтому всегда особенно близок и созвучен северному крестьянству (Астахова 1966: 231).

В. Ф. Миллер полагал, что свою роль в распространении былин сыграли бродячие скоморохи, оговариваясь, что «уловить пути распространения устной сказки за многие века ее блуждания все равно что ловить ветер в поле» (Миллер 1897: IV). Как бы то ни было, где бы ни скитались скоморохи и сколь часто не исполняли бы старины, именно на Русском Севере эпос обрел пристанище (былины киевского цикла также сохранились на Севере). Осмелюсь предположить, что Север был и колыбелью русской эпической традиции, что вполне соответствует путям становления и расширения Руси в древности.

Таким образом, русская северность изначально включает эпос и свойственные ему былинные ценности, в том числе «новгородскую мечту» с ее верой в себя и в чудо, культ персональной свободы, вольнодумие вплоть до богоборчества, готовность к риску и «великому закладу», удаль в сражениях, верность дружине (боевой и деловой дружбе) и дому (матери), образованность, музыкальность и песенность.

Мне не пришлось слышать живое былинное пение, зато пятнадцать лет назад довелось снимать на Русском Севере этнографический фильм, героем которого стал семилетний мальчик, слагавший и певший песни по любому поводу. Его экспромты ничем не напоминали эпос, но после просмотра фильма мой знакомый — коренной русский северянин — сказал: «Кажется, будто в этом мальчишке звучит старый Онежский край с его былинами» (фильм «Почтовая лошадь», 2008).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. 328 с.
- Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 291 с.
- Брим В. А.* Былина о Василии Буслаеве в исландской саге // Язык и литература. Т. 1. Л., 1926. С. 311–322.
- Былины. Л.: Сов. писатель, 1986.
- Веселовский А. Н.* Былина о Садке // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 248, дек. 1886. С. 251–284.
- Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные летом 1871 года. СПб., 1873. 1336 с.
- Головнёв А. В.* Игра в карты: визуализация Севера // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 207–243.
- Головнёв А. В.* Петровская Россия: северное измерение // Кунсткамера. 2022. № 1 (15). С. 28–43.
- Головнёв А. В.* Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 476–485.
- Головнёв А. В.* Северность России: фрагменты исторического опыта // Север: арктический вектор социально-экологических исследований. Сыктывкар, 2008. С. 5–17.
- Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899–1901 гг. Т. I. М.: Университетская тип., 1904. 703 с.
- Жданов И.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895.
- Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. V. М., 1862.
- Кириша Данилов.* Древняя российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1892. 452 с.
- Марков А.* Беломорские былины. М.: Этногр. отдел Имп. ОЛЕАЭ, 1901. 619 с.
- Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытникова, 1897. 464 с.
- Новгородские былины / Отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1978. 456 с.

Ончуков Н. Е. Печорские былины // Зап. РГО по отделению этнографии. Т. XXX. СПб., 1904. 424 с.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 637 с.

ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. V: Псковская вторая и Софийская первая летописи. СПб., 1851. 286 с.

Путилов Б. Н. Русский былинный эпос // Былины (Библиотека поэта). 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 5–46.

РИБ (Русская историческая библиотека). СПб., 1908. Т. VI.

Рыбников П. Н. Народные былины, старины и побывальщины. Ч. I. М.: Тип. А. Семена, 1861.

Рыбников П. Н. Народные былины, старины и побывальщины. Ч. II. М.: Тип. А. Семена, 1862.

Рыбников П. Н. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Ч. III. Петрозаводск: Губернская тип., 1864.

Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 1. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. 274 с.

Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. II, т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой и новой записи. М.: Этногр. отд. Имп. ОЛЕАЭ, 1894. 416 с.

Фаминцын А. С. Гусли: русский народный музыкальный инструмент. Исторический очерк. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890. 148 с.

Шамбинаго С. К. Песни-памфлеты XVI века. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 267 с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: МГУ, 1962. 387 с.

REFERENCES

Astakhova A. M. *Byliny. Itogi i problemy izucheniia* [Epics. Results and problems of the study]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1966. (In Russian).

Azbelev S. N. *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of epics and the specifics of folklore]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. (In Russian).

Golovnev A. V. [Northern perspective in the history of Russia]. *Sotsial'nye transformatsii v rossiiskoi istorii* [Social transformations in Russian history]. Ekaterinburg, Moscow: Izd-vo "Akademkniga" Publ., 2004, pp. 476–485. (In Russian).

Golovnev A. V. [Northern Russia: Fragments of Historical Experience]. *Sever: arkticheskii vektor sotsial'no-ekologicheskikh issledovaniy* [North: the Arctic vector of socio-ecological research]. Syktyvkar, 2008, pp. 5–17. (In Russian).

Golovnev A. V. [Playing Maps: Visualization of the North]. *Etnografya*, 2021, no. 3 (13), pp. 207–243. (In Russian).

Golovnev A. V. [The Petrine Russia: Northern Dimension]. *Kunstkamera*, 2022, no. 1 (15), pp. 28–43. (In Russian).

Propp V. Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Moscow: Labirint Publ., 1999. (In Russian).

Putilov B. N. [Russian epic]. *Byliny (Biblioteka poeta)* [Epics (Library of the poet)]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1957, pp. 5–46. (In Russian).

Yanin V. L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniks]. Moscow: MGU Publ., 1962. (In Russian).

Submitted: 01.06.2022

Accepted: 10.06.2022

Published: 01.07.2022